

Е.Н. Водовозова

История одного детства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Е11

E11   **Е.Н. Водовозова**
История одного детства / Е.Н. Водовозова – М.: Книга по Требованию, 2021. –
252 с.

ISBN 978-5-4241-1487-8

"История одного детства" является переработкой для детей мемуаров Е. Н. Водовозовой "На заре жизни", причем из них выбраны (и по необходимости сокращены) только те части, в которых описывается детство и институтские годы автора.

ISBN 978-5-4241-1487-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Е.Н. Водовозова, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая МОЯ СЕМЬЯ	5
БЕЗ ЗАБОТ	5
НАША НЯНЯ	8
ПЕРВОЕ ГОРЕ	9
БЕДА ЗА БЕДОЙ	13
ПЕРЕЕЗД В ДЕРЕВНЮ	17
Глава вторая В ДЕРЕВНЕ	23
ПО-НОВОМУ	23
СЕСТРА САША	28
ВАСЬКА-МУЗЫКАНТ	32
СЧАСТЛИВОЕ ИЗВЕСТИЕ	39
СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК	43
САШИНА МЕЧТА СБЫВАЕТСЯ	47
ВАСЬКИНА УДАЧА	50
Глава третья ПОМЕЩИЧЬИ НРАВЫ	54
МАТУШКИНО ХОЗЯЙСТВО	54
«КАРЛА»	57
ДЕВИЦЫ ТОНЧЕВЫ	64
ДЕРЕВЕНСКИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ	67
«ДУХОВИТЫЙ БАРИН»	69
ДЯДЯ МАКС	74
ГОСПОДА ДВОРЯНЕ	79
Глава четвертая ДОМАШНИЕ СОБЫТИЯ	87
ОТЪЕЗД НЯНИ	87
НОЧЬ ПЕРЕД РЕКРУТЧИНОЙ	90
СНОВА С НЯНЕЙ	93
УЧЕНИЕ	95
НЮТИН ЖЕНИХ	99
ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА	105

ТРИ НОВОСТИ	111
АНДРЮША НА ПОБЫВКЕ	114
МОЛОДЫЕ	121
НОВАЯ БЕДА	125
ВЫСТРЕЛ	128
МОЙ МУЧИТЕЛЬ	131
ОСВОБОЖДЕНИЕ	137

Глава пятая

СМОЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ 140

Я ПОСТУПАЮ В ИНСТИТУТ	140
МОИ ПОДРУГИ	146
ИНСТИТУТСКИЕ ПОРЯДКИ	155
Я ДЕЛАЮСЬ «ИНСТИТУТКОЙ»	163
КЛАССНЫЕ ДАМЫ	166
Я СТАНОВЛЮСЬ «ОТЧАЯННОЙ»	170
В СТАРШЕМ КЛАССЕ	173
ССОРА С БРАТОМ	177
ПИСЬМО САШИ	181
МОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ	184
БОЛЕЗНЬ	197

Глава шестая

НОВЫЙ ИНСПЕКТОР 205

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО	205
НАШИ ПРЕПОДАВАТЕЛИ	213
КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ	220
ЛУЧ СВЕТА	224
ПЛАНЫ УШИНСКОГО	227
ВЫПУСК	230
НОВЫЕ УЧИТЕЛИ	233
БОРЬБА С НАЧАЛЬСТВОМ	238
ПРОЩАНИЕ	248
ПОСЛЕСЛОВИЕ	253

Глава первая

МОЯ СЕМЬЯ

БЕЗ ЗАБОТ

В этой книге я хочу рассказать все, что помню о себе и о своем детстве, о своей семье, о том, как я росла и учились. Я расскажу не только то, что помню сама, но и то, что мне приходилось слышать от моих родных и близких.

Дом моих родителей не был похож на помещичьи усадьбы наших соседей. И жизнь в нем текла по особенному.

— Вы нынче будете у Цевловских? — спрашивал один сосед другого.

— А как же, — отвечал ему тот, — нынче новую комедию будут ставить, так мы всей семьей поедем поглядеть.

И вот съезжались к нам, в Погорелое, гости. Не только члены помещичьих семей, но и все их домочадцы — гувернантки, лакеи и горничные по несколько дней гостили в имении моих родителей. В дни представлений наш дом и все его пристройки были полны народу.

В ту пору театр был большой редкостью даже в городе. А уж в деревне о нем и мечтать не приходилось.

Однако отец устроил у нас домашний театр не для забавы.

— Наш театр послужит для пользы детей, — говорил он матушке, когда она жаловалась, что эта затея стоит им слишком дорого.

Матушка жаловалась даром. Для такой большой семьи, как наша, театр и постоянные гости были не по карману. Ведь нас, детей, было так много! Но прав был и отец. Для братьев моих сестер (я была еще совсем маленькой и не принимав участия в спектаклях) театр имел большое значение.

В других помещичьих семьях дети росли, как сорная трава. Они бродили по дому без всякого дела или бегали целый день по двору.

Совсем не то было у нас. Отец, человек образованный и умный, постоянно заботился о детях. Он хотел, чтобы его дочери и сыновья сделались полезными и образованными людьми. Старших он научил иностранным языкам, сам переводив с французского пьесы, разучивал с детьми роли. Мы, дети, никогда не оставались без дела. Готовясь к спектаклям, сестры помогали горничным шить костюмы и мастерить разные вещи; из золоченой бумаги клеили короны и украшали их цветными бусами, вырезывали из дерева или картона латы и шпаги, раскрашивали их и разрисовывали занавес. Все принадлежности театра были самодельными. И даже артистами были сами дети хотя, конечно, играли на сцене крепостные: одиннадцать человек из них были исключительно предназначены для театра.

Во время театральных спектаклей отец сам всем распоряжался. В антрактах он выходил к публике и, посадив себе на плечо моего младшего брата, заставлял его говорить наизусть стихи или басенку. А после спектакля должны были танцевать мои сестры. Они выходили на сцену в русских нарядах: в сарафанах, кошниках с множеством Разноцветных лент, падающих на спину вместе с косой, с нитками разноцветных бус на шее.

— По улице мостовой! — кричит отец оркестру, и сестры, помахивая платочками, плывут под музыку одна за другой.

— Русскую! — скажет отец, и вот появляются мои братья. Они одеты в кумачовые рубахи и плисовые штаны.

Вместе с сестрами они весело отплясывают разудалую русскую.

Не удивительно, что все мы, от мала до велика, обожали отца. Играя с младшими, он поднимал такую возню, что нередко в комнату вбегала матушка. Она стыдила мужа за то, что тот сам увлекался игрой, как ребенок, но отец ничуть не смущался и подшучивал над ней. Матушка смеялась шутке, и возня начиналась с начала.

Многие помещики завидовали моим родителям: театру завидовали, веселью и дружной семье. Возвращаясь домой из Погорелого, они часто сплетничали об отце:

— Не по средствам живут эти Цевловские. Ведь, поди, сколько денег стоит театр и угощенье. И крепостные, вместо того чтобы работать, в актерах ходят — пиликают на скрипке да поют. Не дело это.

Театр и приемы стоили, действительно, много денег. Поэтому, прожив несколько лет в своем поместье, отец начал подумывать, как бы поправить свои дела. Вскоре ему предложили место уездного судьи в маленьком городке Поречье. Отец принял предложение и переехал со всей семьей в город. Он считал, что переезд в город будет полезен и нам. В городе легче доставать книги и больше образованных людей. Отец радовался, что мы уже не будем слушать разговоров о том, как один помещик ловко подкузьмил приятеля при продаже коня, или о том, как другой за какой-то поступок одного крестьянина выдral всех мужиков и баб своего поселка — от старика-деда до пятилетней внучки.

Отец и в городе не оставил своей затеи с театром. Напротив, здесь было легче заняться им. Отец покупал комедии Фонвизина и Грибоедова, и мы их разыгрывали у себя.

В Поречье мы занимали большой деревянный дом с пристройками, службами и прекрасным садом. Одну из пристроек отец взял под театр, и по-прежнему со всех концов съезжались к нам на представление гости. Расходы ничуть не уменьшились.

Матушка понимала, что отец близок к разорению. Но сравнит, бывало, своих детей с соседскими, подумает о том, какие разговоры ведут ее дети и какие у них интересы — и решит никогда не спорить с мужем.

Так и текла у нас жизнь не меняясь. Зиму проводили в городе, а весной уезжали в деревню. Из деревни мы получали провизию, холст, кожи. Крепостные нас обшивали с головы до ног, все делалось руками крепостных. И мы продолжали жить беззаботно и весело, на барскую ногу.

НАША НЯНЯ

Кроме матушки и отца, в нашей семье был еще один человек, такой же близкий и родной для нас, как они. Это была наша няня.

Привязанность ее к нашей семье имела особые причины. Няня всю свою жизнь помнила добро, которое некогда сделал ей мой отец.

Детство у нее было очень тяжелое. Ее отец держал постоянный двор и заставлял жену и дочь Машу работать не покладая рук. Это был человек крутого нрава. За малейшую оплошность он жестоко расправлялся и с женой и с дочкой.

Маше минуло четырнадцать лет, когда у нее умерла мать. Маша одна плохоправлялась с хозяйством, за что нередко терпела жестокие побои отца. Так прожила она с полгода, как вдруг узнала, что отец ее собирается снова жениться, да еще на сварливой бабе. Маша поняла, что при мачехе ей совсем не будет житья, и задумала бежать из дома.

Как-то весной вышла Маша на крылечко. Мимо нее прошли нищие и недалеко от дома расположились на привал. Их пение и рассказы так понравились девочке, что она решила присоединиться к ним.

И вот Маша сделалась нищенкой. Но бродячая жизнь в холод и непогоду, ночевки на сырой земле, грубость и воровство нищих оказались для девочки еще тяжелее, чем жизнь дома.

Вскоре Маша отстала от нищих и начала бродить одиноко, прося подаяния. Однажды мой отец, разъезжая по делам службы, натолкнулся случайно на девочку, лежащую без чувств на краю дороги. Бледная и худенькая, в грязном, изодранном платьице, с исцарапанными и пыльными ногами, она, наверное, упала от

холода и слабости. Отец поднял девочку и сразу же повез в больницу.

Через несколько дней, перед своим отъездом, отец навестил Машу и оставил ей денег и адрес своего поместья, пообещав, что, если она когда-нибудь туда забредет, он непременно устроит ее у себя.

Оправившись, девочка долгое время ходила из дома в дом, зарабатывая кусок хлеба изнурительной черной работой. Заработанных денег хватало только на то, чтобы не умереть с голода и переночевать под крышей. Наконец Маша устроилась няней в доме богатого купца и прожила здесь более пяти лет. Она решила, что, как только скопит достаточно денег, отправится в дальний путь к своему благодетелю.

И вот она явилась к нам с измученным лицом, с большими темными кругами под глазами и резкими складками у губ. Отец едва узнал в ней девочку, которую несколько лет назад поднял на дороге.

С этих пор она стала жить в нашей семье и нянчить нас, детей. Несмотря на то, что она не была нашей крепостной, она из благодарности считала себя настоящей рабой моих родителей и членов нашего семейства. В крепостнические времена ни одно чувство не выражалось по-человечески: господа и рабы, свободные и крепостные выражали свои чувства по-холопски, вытравляя и в детях все зародыши истинно честных и свободных инстинктов. Мне еще не раз придется говорить о няне, описывая разные события моего детства, поэтому я буду продолжать свой рассказ.

ПЕРВОЕ ГОРЕ

Весной 1848 года мы собирались в деревню раньше обычного.

В городе появилась холера. Каждый день узнавали мы о том, что кто-нибудь заболел или умер. Поэтому родители мои особенно торопились с отъездом.

Нас, детей, это, конечно, совсем не заботило. Никому и в голову не приходило, что несчастье стучится у наших дверей.

В одну из ночей, незадолго до отъезда, проснулась сестра Саша и позвала няню. Но та не откликнулась. Саша зажгла свечку и увидела, что няни в комнате нет и что постель ее даже не смята.

Саша испугалась и принялась будить братьев и сестер. С удивлением смотрели мы на пустую кровать няни и обсуждали, почему няня не ложилась спать.

— Тише...тише... — зашикала вдруг Саша, — слушайте!

На минуту в комнате стало тихо, и мы услышали какой-то шум, беготню и суету за стеной. Тогда Саша вскочила с кровати, распахнув двери, стала громко звать няню.

Едва няня вбежала к нам в комнату, как мы сразу поняли, что в доме случилось что-то плохое. Руки у нее тряслись, из глаз текли слезы, она растерянно смотрела на нас, но ничего не говорила. Мы вскочили с кроваток и бросились ей обнимать.

— Нянюшечка! Что с тобой, отчего ты плачешь?

— Папашенька захворал... Папашенька... — говорила она дрожащим голосом, и слезы градом текли по ее сморщенным щекам — Молитесь богу, чтобы он вас пожалел, не оставил вас сиротами! — И с этими словами она упала на колени перед образами. Босые, в одних рубашонках, бросились на колени и мы. В эту минуту в коридоре раздался голос матери, которая звала няню.

— Ложитесь в кроватки и лежите смирно, — сказала няня и выбежала из комнаты.

Но мы уже не могли заснуть весь остаток ночи. Когда рассвело, в комнату вошла моя старшая сестра Нюта — ей в ту пору было пятнадцать лет, и она уже помогала маме и няне. В эту ночь Нюта тоже не раздевалась, ухаживая за больным отцом. От усталости она едва держалась на ногах. Одев и умыв младших, Нюта повела нас всех в пустой кабинет отца, находившийся в самом дальнем конце дома. Она закрыла дверь и велела нам сидеть как можно тише.

С каждым часом отцу становилось все хуже. Доктор приходил по нескольку раз в день. По-видимому, он не ожидал ничего хо-

рощего. Подсматривая в замочную скважину, мы видели, как он разводил руками и беспомощно качал головой.

Когда няня внесла нам обед, у нее так дрожали руки, что она не могла даже раскладывать кушанье по тарелкам. Присев на стул, она попросила сестру Сашу сделать это за нее.

Вечером отцу стало немного легче, и он крепко заснул.

Заснула и матушка, так как в предыдущую ночь никто из старших не раздевался.

Мы, дети, на этот раз пошли спать очень рано. Измученная накануне беспокойной ночью, я едва успела положить голову на подушку, как тоже заснула крепким сном.

Мы мирно спали в детской, а в это время отец доживал свои последние минуты.

Он проснулся около десяти часов вечера. Матушка уже сидела у его постели и тревожными глазами всматривалась в его лицо.

Отец слабо улыбнулся и тихим, но твердым голосом объявил матушке, что должен перед смертью серьезно поговорить с ней. Тут матушка расплакалась и, осыпая его руки поцелуями, стала уговаривать его не думать о смерти теперь, когда он подкрепился сном и чувствовал себя лучше. Но отец покачал головой и сказал, что сил у него осталось очень мало. Поэтому он просил матушку «не терзать его попами», а позвать сюда няню, так как ему хочется сказать несколько слов и ей.

Матушка так привыкла во всем верить отцу, что и тут сразу же поверила его словам.

Не в силах сдерживать своего отчаяния, она бросилась перед ним на колени и плакала и кричала, пока няня не подняла ее и не успокоила немного.

Потрясенный горем матушки, отец долго не мог говорить, но когда затихли ее рыданья, он собрался с силами. Прежде всего отец благодарил матушку за счастье, которое она ему дала в продолжение двадцати лет. Потом медленно и подробно он ввел ее во все хозяйствственные дела. Положение оказалось очень тяжелым. У отца были большие долги, которые он надеялся посте-

пенно покрыть своим жалованьем. Теперь же, после его смерти, говорил он, матушке придется продать лучшую часть имения, чтобы уплатить эти долги. Отсутствие средств не позволит ей нанять опытного управляющего. С этих пор всем хозяйством она должна будет ведать сама с помощью старости из крестьян. Но отец уверял матушку, что как только она примется за управление поместьем, ее ум и деловитость подскажут ей, что делать, и она, наверно, лучше поведет хозяйство, чем он, который довел его до такого состояния.

Тут он тяжело вздохнул и, повернувшись к няне, сказал, что он надеется на то, что она будет ангелом-хранителем не только его детей, но и жены и сделается ее первой помощницей.

Отец умолк и откинулся на подушки. Потом, сделав над собой усилие, приподнялся снова.

— Последняя просьба, — сказал он матушке едва внятным голосом — Дай детям образование. Сделай это, даже если тебе придется для этого продать все имущество; а другой мой предсмертный завет: будь милостива к крестьянам, не позволяй обижать их, — пусть среди них не раздаются из-за тебя стоны и проклятья.

Больше говорить он не мог. Силы оставили его. Матушка и няня стояли подле кровати, боясь пошевельнуться. А когда матушка нагнулась над ним, он уже не дышал...

В эту ночь я снова проснулась от Сашиного крика.

— Вставайте! — кричала Саша. — Что-то случилось!

Мы вскочили с постелей и прислушались: в доме то и дело хлопали двери, в коридоре шла ужасная беготня, что-то беспрерывно вносили и выносили, громко звали по имени то одного, то другого из слуг. С противоположного конца дома доносились крики и рыданья. Затем послышался топот многих людей сразу, точно выносивших что-то громоздкое...

Когда шум несколько стих, Саша сказала, что она идет посмотреть, что все это значит.

— И я с тобой! И я! Я ни за что без тебя не останусь! — кричали мы, со всех сторон обступив Сашу.